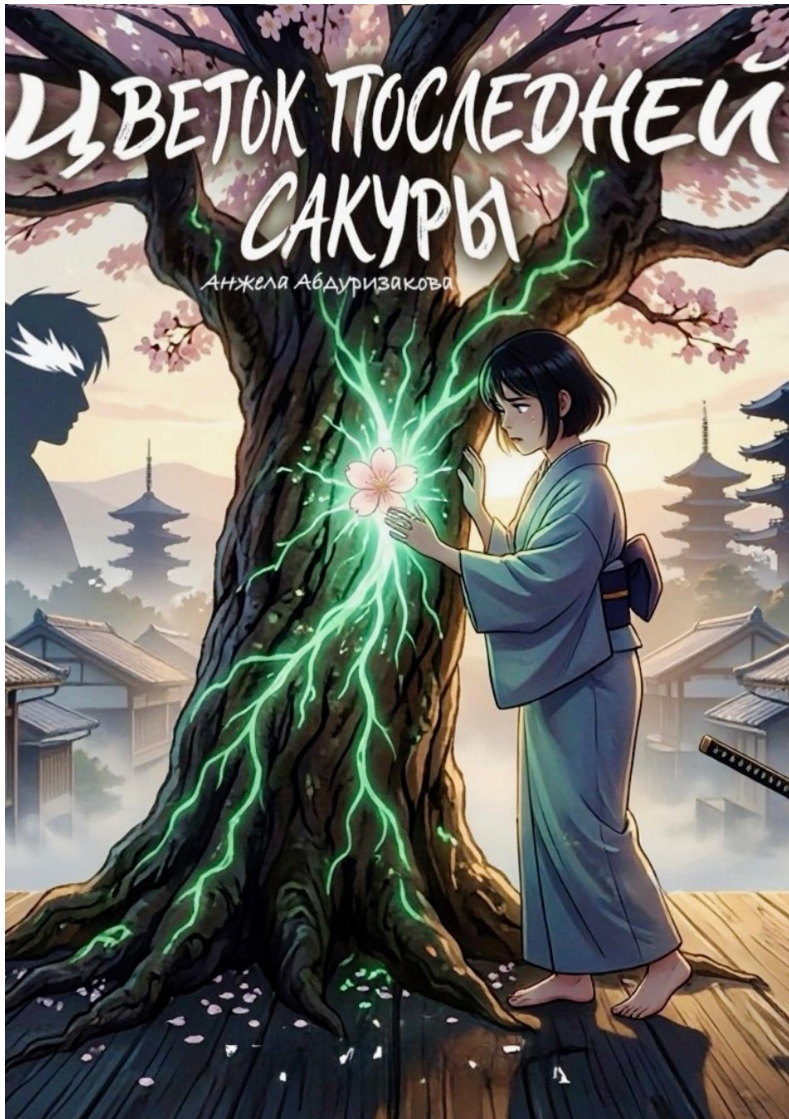

ЦВЕТОК ПОСЛЕДНЕЙ САКУРЫ

АНЖЕЛА АБАУРИЗАКОВА

Анжела Абдуризакова

Цветок последней сакуры

<https://litres.ru/74439454>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Киото, где храмы прячутся в тумане, а деревья хранят древние тайны, живёт скромная девушка Юки — она подаёт чай в семейной чайной и не подозревает о своём наследии. Но однажды под старой сакурой в ней пробуждается древняя сила: её руки начинают светиться зелёным светом, порезы затягиваются на глазах, а деревья шепчут ей свои истории.

Теперь за Юки охотится тёмный клан Куро — ему нужна её магия. На защиту встают двое: таинственный ниндзя Кэндзи, три года тайно оберегавший девушку, и ронин Такаши, готовый стать её мечом. Вместе им предстоит пройти путь к горному монастырю, научиться управлять силой и дать отпор врагам, пока последний цветок сакуры ещё хранит надежду.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анжела Абдуризакова

Цветок последней сакуры

Глава

Часть первая. Пробуждение

Глава 1. Девушка из Киото

Киото в конце осени — это город, который дышит золотом. Листья клёнов перекрашиваются в багрянец, храмы тонут в туманных сумерках, а воздух пахнет сладковатой дымкой благовоний и жареными каштанами, которыми торгуют на углах улиц старухи с морщинистыми, как устаревшие пергаменты, лицами. Именно в этом городе, в узком переулке недалеко от храма Киемидзу-дэра, жила девушка по имени Юки Мори.

Юки было двадцать три года, и ничего особенного в ней не было — по крайней мере, так она сама считала. Невысокая, с чёрными волосами до лопаток, которые она привыкла собирать в небрежный хвост, с глазами тёмно-карие, почти

чайного цвета, она была из тех людей, которые умеют растворяться в толпе. Работала она в маленькой чайной «Uzgumi», что принадлежала её тётке Сатио, — подавала маття, протирала деревянные столики и улыбалась туристам так, как будто каждый из них был для неё долгожданным гостем.

Утро того дня началось как обычно. Юки проснулась до рассвета — так делала всегда, потому что тётка Сатио говорила: кто не встретит солнце, тот не заслужил его свет. Она умылась холодной водой из кувшина, надела простое кимоно из серовато-голубого хлопка и босиком вышла на крохотный дворик, где росла старая сакура. Дерево было уже голое — листья опали неделю назад, и ветви тянулись к небу, как пальцы просящего.

— Доброе утро, — сказала Юки дереву. Она всегда с ним здоровалась. Тётка Сатио считала это странным, но Юки не могла объяснить — просто чувствовала, что дерево живое. Не в том смысле, в каком живой стол или камень, а по-настоящему живое, со своим настроением, со своими снами.

В этот раз дерево ответило.

Юки не услышала слов — скорее, ощутила. Что-то тёплое прошло сквозь подошвы ног, поднялось по голени, коленям, бёдрам — и остановилось где-то в груди, как проглоченный глоток горячего чая. Юки охнула и схватилась за ствол сакуры. Кора под ладонями была шершавой и прохладной, но внутри неё билась пульсация — медленная, тягучая, как дыхание спящего зверя.

— Что это? — прошептала Юки.

Пульсация усилилась. Юки почувствовала, как что-то в ней открывается — будто дверь, которая всегда была здесь, только она не знала, что за ней кто-то стоит. Голова закружилась, перед глазами поплыли цветные пятна — золотые, зелёные, белые — и вдруг всё исчезло. Юки стояла на коленях во дворе, прижимаясь щекой к коре сакуры, и единственное, что изменилось, — руки её светились.

Слабо, едва заметно. Бледно-зелёное мерцание, как светлячок, запутавшийся под кожей. Юки подняла ладони к лицу и увидела, как свечение медленно гаснет, впитываясь обратно, словно вода в песок.

Сердце колотилось. Руки дрожали. Юки села на пятки и несколько минут просто дышала, глядя, как над крышами Киото поднимается солнце.

Она не знала этого, но в тот же момент по другую сторону города проснулся человек, который ждал этого дня тридцать лет. И он улыбнулся.

Глава 2. Чайная «Уцуми»

Тётя Сатио была женщиной пятидесяти шести лет, с короткой стрижкой, крепкими руками и манерой говорить, от которой хотелось выпрямить спину и убраться в комнате одновременно.

— Ты опять опоздала, — сказала она, когда Юки вошла

в чайную через заднюю дверь.

— Я не опоздала, тётя. Ещё даже семи нет.

— Семь минут восьмого. Это и есть опоздала. Гости не будут ждать, пока ты соизволишь появиться.

Гостей ещё не было — чайная открывалась в восемь, — но Юки не стала спорить. Она повязала фартук, закатала рукава и принялась накрывать столы. Деревянные подносы, чашки для маття, бамбуковые венчики — всё это было знакомо до автоматизма, и руки делали работу, пока голова была далеко.

Она думала о свете.

Что это было? Откуда? Почему она? Юки никогда не верила в магию по-настоящему — ну, как верят дети, когда им рассказывают сказки про ёкаев и духов леса, но взрослая Юки относилась к этому с вежливым скепсисом. Тётя Са-тио рассказывала, что их бабка умела «слышать деревья», но Юки считала это старушечьей фантазией.

Теперь она не была уверена.

Первым гостем, как всегда, был старик Танабэ — бывший учитель каллиграфии, который приходил каждое утро, садился у окна, заказывал чашку гёкуро и рисовал иероглифы на салфетках. Сегодня он поднял глаза на Юки, когда она поставила перед ним чашку, и нахмурился.

— Что-то изменилось, — сказал он.

— Ничего не изменилось, господин Танабэ.

— Изменилось. Я вижу. — Он наклонил голову, как старый ворон. — Ты светишься.

Юки чуть не уронила чайник.

— Простите?

— Изнутри. Ты светишься изнутри. Я стар, но глаза у меня ещё работают. — Он взял чашку обеими руками, поднёс к губам и тихо добавил: — Будь осторожна, девочка. Свет привлекает тьму.

Юки хотела расспросить его, но старик Танабэ уже погрузился в свой чай и каллиграфию, и из него ничего нельзя было вытянуть до следующего утра.

День прошёл обычно. Туристы, разговоры, смех, звон чашек. Юки разносила чай, кланялась, улыбалась, а внутри всё время чувствовала пульсацию — слабую, но неутихающую, как второе сердцебиение, только медленнее и глубже.

Вечером, закрывая чайную, она порезала палец ножом, когда резала имбирь для завтрашнего маринада. Капля крови упала на разделочную доску — и вспыхнула. Не огнём, а тем же зелёным светом. Капля засветилась на дереве, расплылась, впиталась — и на доске остался выжженный рисунок: маленький цветок сакуры, идеально ровный, с пятью лепестками.

Юки отдёрнула руку и уставилась на доску. Потом посмотрела на палец — порез затянулся. Не мгновенно, но на глазах: края раны сомкнулись, покраснели, побледнели — и осталась только тонкая розовая линия, которая через минуту исчезла совсем.

— Что со мной происходит? — прошептала Юки в пустую

чайную.

Ответа не было. Но где-то в ночном Киото, в тени храмовых ворот, человек в тёмном плаще услышал её слова — не ушами, а чем-то другим, глубже и острее, — и его улыбка стала шире.

Глава 3. Незнакомец в тени

Юки не стала рассказывать тёте Сатио — побоялась, что та решит, будто племянница переработала или съела что-то не то. Вместо этого она провела ночь без сна, сидя на циновке в своей комнате, пытаясь повторить то, что произошло с пальцем. Она кусала себя, царапала, давила — ничего. Раны не затягивались, свет не появлялся. К утру её руки выглядели так, будто она подралась с кошкой, а измученное лицо в зеркале мало напоминало девушку, которая вчера ещё верила, что мир прост и понятен.

Утром, по дороге в чайную, Юки свернула в переулок, который обычно не использовала, — короче, но темнее, с высокими деревянными заборами по обеим сторонам, за которыми скрывались старые дома. Она прошла половину переулка, когда почувствовала, что не одна.

Она обернулась. Никого. Только тени — утренние, длинные, холодные. Юки ускорила шаг, и тут же где-то за спиной раздался тихий шорох — не шаги, а что-то более мягкое, как ткань по дереву.

— Кто здесь? — Голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. Может, от страха.

Тишина. Потом — голос, негромкий, ровный, как шёлк по лезвию:

— Не оборачивайся.

Юки остановилась.

— Почему?

— Потому что если ты обернёшься, тебе станет страшно. А мне нечего тебе предложить, кроме правды, а страх мешает слышать.

— Вы уже напугали меня, — сказала Юки. — Так что разницы нет.

Пауза. Потом — тихий смешок, почти неслышный.

— Хорошо. Тогда обернись.

Юки обернулась. В трёх шагах от неё стоял мужчина. Молодой — лет двадцати пяти, не больше, — в тёмной одежде: чёрное кимоно, тёмные шаровары, на лице — маска, закрывающая нижнюю половину, от носа до подбородка. Видны были только глаза — тёмные, узкие, внимательные. В волосах — тёмных, коротких, с одной белой прядью у виска.

— Кто вы? — спросила Юки.

— Меня зовут Кэндзи. Я ниндзя.

Юки моргнула. Потом ещё раз. Она ожидала чего угодно — грабителя, сумасшедшего, духа — но «ниндзя» прозвучало так буднично, как будто он сказал «бухгалтер» или «почтальон».

— Ниндзя, — повторила она.

— Да.

— В Киото. В переулке. В восемь утра.

— Да.

— И вы подошли ко мне, потому что...

— Потому что ты проснулась. — Его голос стал серьёзнее.

— Вчера утром. Под сакурой. Я ждал этого три года. Мой клан ждал дольше.

— Ваш клан.

— Да. Клан Куни. Мы... хранители. Или были ими, пока нас не осталось слишком мало. — Он помолчал. — Ты — последняя из рода Мори. Настоящего рода Мори. Не тех, кто разносит чай, а тех, кто умеет разговаривать с деревьями.

Юки почувствовала, как ноги стали ватными. Она прислонилась к забору.

— Моя бабка...

— Твоя бабка, Айяко Мори, была последней хранительницей. Она умерла, когда тебе было шесть. С тех пор сила спала — в тебе, в сакуре, в земле Киото. Вчера она проснулась.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я связан с этой силой. Не так, как ты — я не могу ею управлять. Но я чувствую её, как слепой чувствует тепло солнца. И когда она проснулась, я почувствовал.

Юки хотела сказать, что это безумие. Что она простая девушка, что ничего магического в ней нет, что свет был про-

сто... просто... Но слово «просто» застряло в горле. Она видела свет. Она видела, как затянулся порез. Она видела цветков на доске. «Просто» сюда не подходило.

— Чего вы хотите? — спросила она тише.

— Хочу защитить тебя. И научить. Но не здесь. Не сейчас.

— Он огляделся. — За тобой уже следят.

— Кто?

— Те, кто хочет, чтобы сила рода Мори принадлежала им.

Они тоже почувствовали пробуждение. И они придут.

Юки почувствовала, как холод подбирается к сердцу — не от утреннего воздуха, а от того, как он это сказал: спокойно, уверенно, без лишних слов. Как человек, привыкший к тому, что его предупреждения сбываются.

— Что мне делать?

— Пока — ничего. Живи, как жила. Но если почувствуешь опасность — позови. — Он протянул ей маленькую вещь: деревянный медальон, на котором был вырезан тот же цветок сакуры, что появился на разделочной доске. — Сожми его. Я услышу.

Юки взяла медальон. Он был тёплым — как будто кто-то держал его в ладони.

— Вы говорили три года, — сказала она. — Почему три года?

— Потому что три года назад я получил приказ от мастера клана: найти последнюю из рода Мори. Я нашёл тебя через неделю. С тех пор я был рядом.

— Рядом? — Юки похолодела. — Три года?

— Не в комнате, — сказал Кэндзи, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на неловкость. — По близости. В городе. Я... наблюдал.

— Шпионили за мной.

— Защищал. Ты не замечала, но три раза за эти три года тебе угрожала опасность, и я её отводил.

— Какая опасность?

— В первый год — человек, который шёл за тобой от храма. Я его остановил. Во второй — пожар в чайной. Я был первым, кто увидел дым. В третий — месяц назад — незнакомец, который пытался подсыпать тебе что-то в чай. Я перехватил чашку.

Юки вспомнила. Чашку, которая разбилась в её руках, когда она несла её гостю. Она думала, что просто неловко взяла. Пожар — она думала, что тётя Сатио забыла выключить горелку. Человек за спиной — она думала, что показалось.

— Почему вы не подошли раньше?

— Потому что ты не была готова. И потому что мне нужен был повод. — Он чуть отступил в тень. — Теперь повод есть. Сила проснулась, и они идут. Иди, Юки. В чайную. Улыбайся туристам. Ничего не выдавай. Я найду тебя, когда нужно будет бежать.

Он исчез. Не ушёл, не побежал — просто растаял в тени, как дым. Юки стояла в переулке одна, сжимая в ладони тёплый деревянный медальон, и впервые в жизни чувствовала,

что мир, который она знала, — это тонкая плёнка поверх чего-то огромного, тёмного и пугающе красивого.

Глава 4. Ронин

Такаши Курода шёл по дороге на север уже двенадцатый день. За спиной — меч в ножнах, потёртые ножны, обмотанные тряпкой, чтобы не блестели на солнце. На нём — простое кимоно цвета запоздавшего дождя, сандалии на босу ногу и шляпа, чтобы закрыть лицо. Лицо закрывать важно: он был ронин — самурай без господина, а ронинов в этих краях не любили.

Ему было двадцать семь лет, и последние три из них он провёл в дороге. После того как его господин, даймё Курода, был убит — предан собственными вассалами, — Такаши отказался присягнуть убийцам. Он ушёл, забрав меч господина — катану по имени «Укиё», «Плывущий мир», — и с тех пор искал способ вернуть честь клану Курода. Не зная как. Не зная, жив ли кто-то ещё. Просто шёл.

В тот день он добрался до Киото. Город встретил его шумом, запахами, толпой — и Такаши, выросший в горах, в глухом замке провинции Хида, почувствовал себя как в клетке. Но ему нужно было сюда. В Киото, говорили путники на дороге, можно найти ответы. Здесь — старые библиотеки, монастыри, люди, которые знают то, чего не знают другие.

Он нашёл ночлег в дешёвом постоялом дворе на окраине,

оставил вещи и пошёл бродить по городу. Не по туристическим улицам — он не турист. По переулкам, по задворкам, там, где город настоящий: где бабки сушат рыбу на верёвках, где дети бегают босиком, где пахнет углём и соевым соусом.

В одном из переулков он увидел девушку.

Она стояла, прижавшись спиной к деревянному забору, и смотрела на что-то в своей ладони. Не на монету, не на письмо — на маленькую деревянную вещь, которую сжимала так, как сжимают что-то ценное, когда боятся, что отнимут. Лицо у неё было бледное, глаза большие, и вся она казалась такой тонкой, что порыв ветра мог бы сдуть.

Такаши не собирался останавливаться. Не его дело. Он прошёл мимо, уже почти забыл — и тут увидел.

У забора, за спиной девушки, в тени, кто-то стоял. Не Кэн-дзи — другой человек, другой теневик, и он держал в руке что-то блестящее. Нож? Иглу? Такаши не успел разглядеть, потому что тело решило за него.

Он развернулся, в три шага преодолел расстояние и врезал тенику плечом в грудь. Теневик отлетел — бесшумно, как мешок с тряпками, — и тут же вскочил, и Такаши увидел, что это не человек. Не совсем. Существо с длинными руками, бледной кожей и глазами без зрачков — белыми, как варёные яйца. Оно зашипело, обнажив ряд острых зубов, и бросилось на Такаши.

Катана вышла из ножен с тихим звоном. Такаши рубил — снизу вверх, справа налево, как учил отец: «Не думай. Чув-

ствуй. Меч знает, куда идти». Лезвие рассекло воздух и — плоть. Существо распалось на две половины, и каждая половина растаяла, как туман, оставив после себя только запах гнилых грибов и тонкий слой серой пыли на камнях переулка.

Такаши стоял, тяжело дыша, с окровавленной катаной в руке. Кровь была не красной — чёрной, как тушь.

— Что это было? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ёкай, — ответил голос за его спиной. Женский, тихий, испуганный. — Это был ёкай.

Такаши обернулся. Девушка стояла у забора, прижимая к груди деревянный медальон. Она была бледна, но не падала в обморок, не кричала — смотрела на него с выражением, которое Такаши не сразу узнал. Потом понял: благодарность, смешанная с любопытством.

— Спасибо, — сказала она. — Вы спасли мне жизнь.

— Не уверен, — сказал Такаши, вытирая катану тряпкой. — Эти твари иногда возвращаются. — Он посмотрел на неё. — Меня зовут Такаши. Почему за вами охотятся ёкаи?

— Меня зовут Юки. И я... я не знаю. Точнее — я знаю, но это так странно звучит, что боюсь сказать.

— Попробуйте.

— Я умею светиться.

Такаши моргнул.

— Светиться.

— Да. Изнутри. Зелёным. Вчера утром. Под сакурой.

Такаши долго смотрел на неё. Потом вложил катану в ножны.

— Знаете, — сказал он, — в моих краях рассказывают легенду о хранительницах, которые умеют разговаривать с деревьями и лечить прикосновением. Я думал, это сказки.

— Я тоже думала.

— И что, больше ничего? Просто светитесь?

— Нет. Ещё — порез затянулся на глазах. И на доске выжгло цветок. — Она замолчала. — И за мной уже следят. Мне сказал один человек... ниндзя.

Такаши поднял брови.

— Ниндзя. В Киото. И ёкаи. И светящиеся руки. — Он вздохнул. — Похоже, я пришёл в этот город не зря.

Глава 5. Три пути сходятся

Они сидели в чайной «Уцуми» — после полудня, когда туристов было мало, — и тётя Сатио смотрела на них с подозрением. Юки представила Такаши как «путешественника, который помог мне в переулке», и тётя Сатио, хоть и не поверила ни слову, накрыла им стол: маття, моти, рисовые крекеры.

Такаши ел жадно — двенадцать дней на дороге, на горных травах и речной рыбе, дали о себе знать. Юки смотрела, как он ест, и думала, что он красивый — не так, как Кэндзи, который был красив тонко, остро, как клинок, а так, как быва-

ют красивые горы: широкоплечий, с загорелым лицом, на котором чуть заметный шрам пересекал левую бровь. Глаза у него были карие, но светлее, чем у неё, — почти янтарные, и в них было что-то тёплое, надёжное, как нагретый солнцем камень.

— Расскажите про свой меч, — попросила Юки, когда Такаши отодвинул пустую чашку.

— «Укиё». Катана моего господина. — Он коснулся ножен. — Я поклялся, что верну её роду Курода. Но роду Курода больше нет.

— И вы идёте... куда?

— Не знаю. Я шёл в Киото, потому что слышал, что здесь можно найти человека, который знает о старых родах и их силах. Я думал — для себя. Оказывается — для вас.

— Для меня?

— Если ёкаи за вами охотятся, вам нужна защита. Я ронин — у меня нет господина, нет земли, нет долга. Если вы позволите, я буду вашим мечом.

Юки покраснела.

— Я не могу...

— Это не просьба о службе. — Такаши посмотрел ей в глаза. — Это предложение. Вы можете отказаться. Но если то, что вы говорите, правда — а я видел ёкай своими глазами, — то вам кто-то нужен. Не только ниндзя в тени, но и кто-то рядом. Кого можно увидеть.

В этот момент дверь чайной тихо открылась и закрылась.

Юки обернулась — никого. Но на столе, рядом с её чашкой, лежал клочок бумаги. На нём было написано тонким, аккуратным почерком: «Сегодня ночью. Храм Киемидзу. Приходи одна. Это важно. К.»

Юки спрятала записку в рукав кимоно и постаралась улыбнуться.

Часть вторая. Храм в ночи

Глава 6. Киемидзу-дэра

Храм Киемидзу-дэра ночью — это другое место. Днём он полон людей: туристы фотографируют, монахи читают сутры, торговцы продают талисманы. Ночью — пуст, тёмно, и только ветер гуляет по деревянным галереям, посвистывая в щелях. Фонари не горят — их гасят на закате, — и весь храм становится силуэтом, чёрным на фоне звёздного неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.